

временный характер, и вот почему наследственность его власти всегда была спорным вопросом для мыслящих людей Франции.

Сравнивая в эпилоге государственные перевороты, имевшие место во французской истории, автор приходит к выводу, что ближе всего к событиям 18–19 брюмера стоит не переворот Луи Наполеона Бонапарта 2 декабря 1851 г., как это принято считать в литературе, а переворот, совершенный Шарлем де Голлем 13–15 мая 1958 г. И это несмотря на то, что именно после декабрьских событий 1851 г. события 18–19 брюмера стали именоваться государственным переворотом, а не революцией, как называли их современники.

Написанная живым языком с привлечением огромного количества литературы по истории самого переворота, Директории, Консульства, а также биографий всех его участников, книга П. Гениффе сразу же вошла в число ведущих работ по истории правления Наполеона.

Однако в монографии совсем не использованы архивные документы, а многие цитаты на источники (переписку и воспоминания современников событий) даны опосредованно, через другие монографии, что досадно для такого монументального и богатого аналитическими рассуждениями труда.

Не всегда можно согласиться с интерпретацией событий революции, в частности, с утверждением, что эпоха Великого террора

(период между казнями Дантона и Робеспьера) имеет все признаки возвращения во Францию монарха в лице Неподкупного. На мой взгляд, такого рода утверждения нуждаются в более серьезной аргументации, чем слова термидорианцев, заинтересованных в очернении свергнутого ими соперника.

Эти замечания ни в коем случае не умаляют значимости монографии П. Гениффе, являющейся своего рода предтечей большой биографии Наполеона, над которой он работает уже несколько лет.

Тщательный и разносторонний анализ событий, пересмотр историографических мифов и клише, смелость гипотез и широкая библиографическая база являются безусловными достоинствами данной работы, которая представляет интерес не только для французских, но и для русских читателей, затрагивая такие проблемы как механизм насильственного захвата власти, легитимность правления, не говоря уже о том, что фигура Наполеона Бонапарта сама по себе является гарантией интереса к этой книге. Остается лишь выразить надежду увидеть ее русский перевод в ближайшем будущем.

*Е.В. Смирнова,*  
кандидат исторических наук,  
докторант Высшей школы  
социальных наук (Париж)

**C. Korolevskij. KNIGA BYTIJA MOEGO (LE LIVRE DE MA VIE). MEMOIRES AUTOBIOGRAPHIQUES.** Cité du Vatican: Archives Secrètes Vaticanes, 2007, t. 1, 546 p.; t. 2, 772 p.; t. 3, 1237 p.; t. 4, 1273–2305 p.; t. 5, 640 p.

**К. Королевский. КНИГА БЫТИЯ МОЕГО. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.** Ватикан, 2007, т. 1, 546 с.; т. 2, 772 с.; т. 3, 1273 с.; т. 4, 1273–2305 с.; т. 5, 640 с.

"Книга бытия моего" – латинская транскрипция названия, хорошо знакомого всем, кто интересуется историей церкви и христианского Востока, конечно же, сразу бросится в глаза читателю, взявшему в руки это издание. Именно так, копируя латиницей титул знаменитого многотомного труда – дневниковых записей путешественника и паломника, исследователя христианского Востока Порфирия (Успенского), епископа Чигиринского, назвал

свою автобиографию Кирилл Королевский (т. 1, р. 1). Почитатель владыки Порфирия, Жан Франсуа Жозеф Шарон (1878–1959), больше известный под именем отца Кирилла Королевского, родился во Франции и еще совсем молодым человеком оказался увлечен восточным христианством. То, что Кирилл Королевский назвал в своей автобиографии "обращением", произошло с ним в Париже, в мельхитской церкви св. Юлиана: юноша не только стал

посещать этот приход, где служба проходила по восточному обряду, но вскоре сам отправился в Бейрут, где приступил к церковному служению и к изучению христианского Востока.

В 1902 г. в мельхитском соборе в Дамаске он был рукоположен в священники и принял имя Кирилл в память святого равноапостольного просветителя славян. В Иерусалиме, в русском Троицком соборе, молодому священнику так же неожиданно открылся "славянский мир" (т. 1, р. 384): духовная эволюция привела его не только к самоощущению себя "восточным", но и "в сердце русским" (т. 1, р. XXIX–XXX, т. 4, дос. 606, 454). Уже позже он старательно поддерживал легенды (подчас разнившиеся между собой и весьма романтизированные) о русских корнях своей семьи (т. 1, р. XL–XLI, 5–8). После собственного обращения помыслы о. Кирилла сосредоточились на идее присоединения православного населения Российской империи к католической церкви, но при сохранении и очищении традиционного византийского обряда. Обсуждение возможности подобного симбиоза Запада и Востока, католичества и православия оказалось в центре внимания автобиографии и всей обширной переписки Кирилла Королевского.

Кириллу Шарону-Королевскому не удалось в полной мере написать свою "книгу бытия" самому: начав мемуары в 20-е годы XX в. и работая над ними вплоть до 1954 г., он успел довести повествование лишь до Первой мировой войны. Подробный "дневник", который Кирилл Королевский мечтал уподобить сочинению русского владыки, был воссоздан издателем мемуаров, дополнившим рукопись публикацией многочисленных писем. И, подобно "Книге" русского владыки, "Книга" Кирилла Королевского стала не только жизнеописанием самого автора неоконченных воспоминаний, в течение многих лет – "ассистента" Ватиканской библиотеки и консультанта Конгрегации по делам Восточной церкви, – но и историей "бытия" христианского Востока (прежде всего – католического) в его отношениях с Римом, а также "бытия" в Риме тех, кого сам Кирилл Королевский называл "восточными": приверженцев византийской обрядности, на протяжении первой половины XX в. бурно обсуждавших вопросы, касающиеся отношения Святого престола к византийской литургической традиции, к православию и к Русской церкви.

Автобиография (т. 1–2) и письма с 1900 г. (т. 3–4), снабженные комментариями, несколькими указателями и новейшей библиографией (т. 5), а также картами, фотографиями и факсимиле, составили пять томов публикации, подготовленной архивистом Секретного архива Ватикана Дж.М. Кроче. Издание отличается тщательностью обработки архивных материалов и широтой источниковой базы исследования. В него вошла, впрочем, не вся необъятная корреспонденция Кирилла Королевского, но лишь та ее часть, которая важна для основной темы – истории отношений Запада и Восточной церкви. Автобиография издана по рукописи, хранящейся в Ватиканской библиотеке, остальные материалы происходят из архивов Папского Восточного института, Конгрегации по делам Восточных церквей (до 1967 г. – *Congregatio pro Ecclesia Orientali*, где хранятся многочисленные доклады и записки, подготовленные о. Кириллом Королевским), Греческой коллегии Св. Афанасия, коллегии Russicum, аббатств Гроттаферрата и Шеветонь, Ассоциации друзей кардинала Э. Тиссерана (Монферрер), и многих других рукописных собраний разных стран. Ценным дополнением к публикации являются и две аналитические вводные статьи (одна – предвещающая автобиографию: т. 1, р. XVII–LX; а вторая – переписку: т. 3, р. IX–XCII).

Дж.М. Кроче уже давно занимается историей связей Святого престола с Восточной церковью, изучением отношения к греческому обряду и к вопросам унии церквей – "невозможного единства", цели прозелитической и экуменической деятельности, утопической надежды XX в. Двухтомное исследование было им посвящено деятельности монашеской общины Гроттаферраты, где поддерживались византийские традиции в богослужении, и где, начиная с конца XIX в., было основано два периодических издания ("*Bessarione*" и "*Roma e l'Oriente*"), в которых обсуждались пути осуществления церковного единения<sup>1</sup>. Помимо ряда статей о взаимоотношениях Рима с Русской православной церковью (в том числе и переведенных на русский язык) Дж.М. Кроче принадлежит публикация уникального доку-

<sup>1</sup> *Croce G.M.* La Badia greca di Grottaferrata e la rivista "Roma e l'Oriente". Cattolicesimo e ortodossia fra unionismo ed ecumenismo (1799–1923). Città di Vaticano, 1990, т. 1–2.

мента – письма патриарха Московского Тихона римскому папе Бенедикту XV 1921 г.<sup>2</sup>

Малоизвестный широкому кругу эрудит, ученый, консультант Ватикана и церковный публицист Кирилл Королевский кажется не столь значительным персонажем на фоне таких выдающихся фигур, как митрополит Галицкий Андрей Шептицкий, кардинал (и ученый-ориенталист) Э. Тиссеран, зачинатель экуменизма в бенедиктинском монастыре Амэ-сюр-Мюз (позже переехавшем в Шевтонь) дом Ламберт Бодуэн, не говоря уже о других церковных деятелях, ученых и иерархах разных вероисповеданий, с которыми Королевскому пришлось быть знакомым или вести переписку. Но решение мемуариста оставить воспоминания о своих известных или, наоборот, ныне забытых современниках сделала "Книгу бытия" этого странного "русского" отца Кирилла, с такой страстью (и, разумеется, субъективизмом!) отстаивавшего свои убеждения, важным историческим свидетельством о целой эпохе в отношениях Западной церкви с христианским Востоком, наступившей после папской энциклики *Orientalium dignitas* 1894 г., которой был официально признан равночестным восточный обряд (т. 1, гл. 12).

Значительное влияние на жизнь Шарона Королевского оказала его тесная связь с митрополитом Андреем Шептицким (с почтением называемым в мемуарах "Кир Андрей"). Книга содержит интересные материалы об этом архиепископе, деятельность которого вызывает и сейчас разноречивые оценки (в издание вошла часть переписки Шептицкого с Кириллом Королевским). Знакомство Кирилла Шарона с владыкой греко-католической церкви состоялось во Львове в 1906 г. и положило начало их долгому сотрудничеству (т. 1, гл. 10). Тогда же он поменял свое французское имя, став Каралевским, а позже – Королевским.

---

<sup>2</sup> Archivio Segreto Vaticano. Profilo storico e silloge documentaria. Firenze, 2000, p. 268–269. См. также: *Кроче Дж.М.* Ватиканские архивные источники об отношениях между Россией и Святым Престолом (1878–1922). – Россия и Ватикан в конце XII – первой трети XX века. М., 2002, с. 25–38; *он же.* Святой Престол и Советская Россия на Генуэзской конференции. – Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество. Отв. ред. А.А. Красиков, А. Меллони. М., 2002, с. 41–67.

Невероятным богатством и разнообразием отличаются приводимые в "Книге бытия" и в переписке сведения о духовенстве восточных католических и православных церквей, а также о старообрядцах Белокриницы, многочисленных знакомствах автора с христианами восточного обряда как в Риме (прежде всего в Греческой коллегии св. Афанасия, где Королевский некоторое время преподавал, и в василианском монастыре Гроттаферрата), так и во время путешествий на Ближний Восток, Балканы. Он побывал во многих странах Восточной и Западной Европы, но так и не добрался до интересовавшей его России: "Россия" о Кирилле Королевском осталась страной, существующей, скорее, в его воображении и церковных проектах, имевших определенную направленность – присоединение православных к католической церкви. Читатель будет удивлен почти полным отсутствием сведений о русском присутствии в Палестине (столь активном как в политическом, так и в научном отношении вплоть до революции) или о Русском археологическом институте в Константинополе, хотя, казалось бы, именно в этих представительствах церкви и науки императорской России молодой исследователь мог встретить тех русских, кто разделял бы если не его взгляды на православие, то, во всяком случае, его научные интересы. Зато в Италии он оказался тесно связан с русскими эмигрантами, перешедшими в католичество, особенно с профессором В.Н. Забугиным, бывшим православным священником о. Сергием Веригиным, будущим греко-католическим экзархом о. Леонидом Федоровым, с которыми его объединяло участие в проектах организации католической миссии и устройство первой русской католической церкви в Риме (т. 2, р. 439–478).

Невозможность отправиться в Россию в качестве священника-миссионера (т. 2, гл. 17) вынудила Кирилла Королевского до конца жизни оставаться в Риме, где он с увлечением посвятил себя изучению богатых архивных собраний (прежде всего документов Конгрегации пропаганды веры), участвуя в подготовке многотомной публикации источников об унии на польско-литовских землях. В собранных и опубликованных Дж.М. Кроче материалах содержатся сведения о том, как готовилось одно из важнейших изданий текстов по церковной истории не только Украины и Польши, но и всей Восточной Европы – "Monumenta Ucrainae historica" (vol. 1–14), которое было осуществле-

но уже после смерти Кирилла Королевского по собранным им для галицкого владыки материалам монахами-вазилианами<sup>3</sup>. Интерес к византийскому обряду и отрицательное отношение к латинским нововведениям в греко-католической церкви подвигли Кирилла Королевского к углубленному изучению литургии и истории Восточной церкви. Часть опубликованной переписки отражает и активную публицистическую деятельность Королевского, основавшего в 1923 г. бюллетень "Студион", который должен был освещать различные аспекты не только истории, но и современной жизни христианского Востока. Попытки собрать деньги для того, чтобы приобрести в Риме участок земли, построить на нем церковь в подлинно византийском стиле и создать "восточный" центр, заставили о. Кирилла с удвоенной силой взяться за оплачиваемую гонорами работу в "Словаре церковной истории и географии", обогатив это издание основанными порой на предварительных серьезных архивных изысканиях статьями о Восточных церквях, монастырях Афона, церковном устройстве и литургии италоалбанцев, известных церковных деятелях, вазилианском ордене (т. 5, р. 70–74). Научные статьи Королевского выходили во многих научных и церковных периодических изданиях, а очерк об униатстве, опубликованный в 1927 г. (серия *Irenikon*, Амэ-сюр-Мюз), и ныне оценивается как программный, ставящий задачи по возрождению подлинной восточной литургической традиции<sup>4</sup>.

Помимо иных важных событий, отраженных в опубликованных документах и автобиографии следует назвать основание в Риме коллегии *Russicum* и начало деятельности Папского Восточного института. В издание вошла переписка Королевского со знаменитым Мишелем д'Эрбиньи, первым президентом института, несколько раз побывавшим в Советской России для ведения переговоров с властями и рукоположения католических иерархов, а в 30-е годы XX в. – председателем комиссии *Pro Russia* (к работе которой Королевский привлекался в качестве консультанта). Эпоху в истории отношений Рима с христианским Востоком

составило и знаменательное празднование в 1907 г. 1500-летия со времени упокоения Св. Иоанна Златоуста, разумеется, подробно описанное Кириллом Королевским в мемуарах (т. 2, гл. 13). Юбилей усилил внимание церковных кругов к восточной традиции: византийская литургия тогда служилась в присутствии самого папы! Кирилл Королевский сообщает и о своем возмущении в связи с опубликованием в журнале *"Roma e l'Oriente"* напумевшей статьи-манифеста "Мысли по вопросу об унии церквей" принца-аббата (а также востоковеда и теолога) Макса фон Саксена (т. 2, гл. 15), приведшей о. Кирилла к разрыву с аббатством Гроттаферрата, и о том, как готовились богословские труды Аурелио Пальмиери, который с готовностью взялся за "открытие для Запада русского богословия" (т. 2, гл. 19). Порой "Книга" превращается в приключенческий роман: подозрения в шпионаже, волновавшие общество (церковное и научное) скандалы и "апо-стасии", печальные события военного времени, когда и сам Кирилл Королевский – француз, состоящий в юрисдикции прелата из Австро-Венгрии, – пережил арест.

Что же оставила эпоха надежд на осуществление "невозможного единства" двух христианских конфессий? Усилия не были бесплодными по крайней мере в том, что касается изучения истории Восточной церкви и литургической традиции. Библиотеки Ватикана и Папского Восточного института обогатились ценнейшими изданиями, в приобретении которых принял участие и Кирилл Королевский, отправившийся вместе Э. Тиссераном в путешествие для пополнения римских книжных собраний: политические и церковные интересы в те времена заставляли самым серьезным образом задумываться о нуждах научного исследования христианского Востока. Для достижения церковного единства необходимо узнать и попытаться понять восточных христиан (т. 2, р. 552–553) – этот принцип стал основой деятельности Папского Восточного института, его же всю жизнь придерживался и о. Кирилл Королевский. Дж.М. Кроче, собрав и подготовив к изданию автобиографию и письма, не просто отдал дань памяти скромному сотруднику различных ватиканских комиссий и конгрегаций. Кирилл Королевский – один из немногих людей, кто не только говорил, что "работает ради идеи" (т. 1, р. XXVII; т. IV, doc. 594), "дела Восточной церкви", но и действительно посвятил свою жизнь распространению византийского

<sup>3</sup> *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Series II. Sectio III. Romae*, 1956, vol. 1, p. VII–VIII; *Monumenta Ucrainae historica. Roma*, 1964, vol. 1, p. V–VIII.

<sup>4</sup> *Taft R.F. Eastern Catholic Theology. Slow Rebirth after a Long and Difficult Gestation.* – *Eastern Churches Journal*. 2001, vol. 8 (2), p. 58–59.

обряда и его изучению, подчас не задумываясь ни о церковной, ни о научной карьере. Даже свои скромные материальные средства ученый вкладывал в издание научных работ: "Историю мельхитских патриархов", самый объемный из написанных им трудов, о. Кирилл вынужден был публиковать на свои средства (т. 2, р. 462, 470). В конце жизни он оказался одинок, разочаровавшись в надеждах увидеть реализованными свои идеи и планы. Но его искренняя вера в "дело Восточной церкви", энтузиазм в изучении христианского Востока и попытки "приближения" Западной церкви к Восточной заслуживают внимания.

Автобиография и архив Кирилла Королевского – не только "история частной жизни" священника, консультанта курии или хроника его научных занятий: в них нашли отражение контакты Римской церкви с христианским Востоком и с Православием с конца XIX и на протяжении всей первой половины XX столетия.

*В.Г. Ченцова,*  
кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник  
Центра истории восточнохристианской  
культуры  
Института всеобщей истории РАН

**M.K. Assante. THE HISTORY OF AFRICA. THE QUEST FOR ETERNAL HARMONY. New York: Routledge, 2007, xiii + 397 p.**

**М.К. Асанте. ИСТОРИЯ АФРИКИ. ПОИСК ВЕЧНОЙ ГАРМОНИИ. Нью-Йорк, 2007, xiii + 397 с.**

Молефи Кете Асанте – профессор кафедры афроамериканских исследований Университета Темпл в Филадельфии, главный редактор "Джорнэл оф блэк стадиес", автор 63 книг. Рассматриваемая работа – одно из новейших исследований истории Африки<sup>1</sup>. В ней отражены основные тенденции уже сформировавшейся идеологии афроцентризма, нынешним лидером которого считается автор книги. Цель книги, по словам автора, "создать простую, но привлекающую внимание основополагающую книгу, которая бы позволила студентам и не-профессионалам получить знания об основных процессах, событиях и деятелях Африканского континента" (с. xii).

Асанте подчеркивает, что до сегодняшнего дня история Африки писалась, в основном, европейцами без участия самих африканцев, потому в ней было так много неточностей, недопонимания. В основу книги легли, прежде всего, работы афроамериканских ученых, а не американских и европейских (исключение составляют труды Б. Дэвидсона, который, будучи белым, старался "реабилитировать" Африку в мировой истории), поскольку он хотел

"переписать и переориентировать историю Африки с точки зрения самих африканцев" (с. xii).

Следуя работам и идеям Шейха А. Диопа (известного сенегальского ученого – историка, египтолога, физика, лингвиста, антрополога), Асанте пытается в первой части книги доказать первенство негро-африканской культуры в мировой истории. Для этого Асанте использует труды историка – афроамериканца Дж.Г. Клерка, который считал, что "цивилизация появилась вначале на Африканском континенте и все другие континенты являются наследниками этих первых людей, которые заселяли большую территорию Африки" (с. 17). Из этого следует, по мысли автора, что первые люди были именно черными, а белые появились значительно позже.

Большой интерес представляют последние части книги, описывающие колониальный и постколониальный периоды истории Африки. Период "афро-европейской континентальной войны" он определяет с 1807 г., когда Британия отменила работорговлю, до 1957 г., когда Золотой Берег получил независимость и взял название древнего государства – Гана. Четкого обоснования введению такого рода хронологии автор не дает, ограничиваясь замечанием, что "когда европейская работорговля была отменена в XIX в., Европа не была готова покончить с эксплуатацией Африки" (с. 215). Асанте

<sup>1</sup> Книга состоит из семи частей: "Время пробуждения", "Век письменности", "Момент реализации", "Эра построения", "Время хаоса", "Эра реконструкции", "Время консолидации".